

Фраза «рукописи не горят» стала расхожим афоризмом советской интеллигенции. Хотя ключ к ней сулил несколько неожиданных открытий и был связан с загадкой происхождения Мастера.

Загадка оказалась не такой уж и простой, потому что лежала в необычной плоскости, хотя литературные археологические раскопки требовали определенного направленного поиска, который должен был привести скорее всего к каким-то современникам автора.

Итальянка Рита Джулиани писала: «В ранних редакциях романа главной была тема Христа и дьявола. Как известно, тема Мастера и тайной любви возникает лишь в третьей редакции, созданной в 1933 году. Со временем первоначальное тематическое ядро не отошло на второй план, однако расширилось: евангельский эпизод постепенно увеличился и разделился на три отрывка, перемежающиеся с частями, в которых излагается основное действие. Первый отрывок включен в повествование как рассказ Воланда; второй — как видение Ивана (находясь в сумасшедшем доме, он видит во сне часть истории, рассказанной в романе Мастера); третий представляет собой найденную рукопись — текст в тексте».

Этими же поисками прототипа была увлечена и литературовед Галинская, писавшая: «А пока укажем на укоренившееся в литературоведении суждение о том, что прототипом Мастера послужили Булгакову:

1) он сам; 2) Иешуа и 3) Н. В. Гоголь. Последний — по той причине, что Мастер сжег рукопись своего романа и был по образованию историком».

Прототип Мастера, как некто вполне конкретный казался актуальным и тогда, и сейчас. Вот почему автор монографии вопрошала: «Ведь как раз на вопрос Ивана Бездомного: “Вы — писатель?” ночной гость (разговор происходит в психиатрической клинике), погрозив кулаком, сурово ответил: “Я — мастер”. На лицо какая-то загадка. Если мастер — не писатель, то кем же считает себя булгаковский герой?»

Как это ни удивительно, но подсказка к еще одной булгаковской шараде пришла уже спустя год после выхода книги Галинской. И ответ этот был обескураживающим.

История романа и, следовательно, «Биография Воланда» была бы не полной, если бы не возник буквально дьявольский поворот сюжета, который при всех, как мы видели, ответвлениях ждал и совсем драматический пассаж: имеется в виду частичный плагиат, связанный с линией Мастера.

Эта тема возникла не в момент выхода первой, более полной версии романа, а уже в эпоху перестройки, когда вскрылся один из важных фактов сличения, сюжетной линии романа и произведения Якова Эммануиловича Голосовкера, философа, писателя и переводчика.

В статье от «Об авторе и книге», опубликованной в послесловии к монографии Голосовкера «Логика мифа», говорится: «Роман же “Запись неистребимая,

¹ Журнальный вариант одной из глав книги «Биография Воланда», которая выходит в издательстве «АСТ».

несмотря на свое название, погиб. Есть основания предполагать, что восстановлен он был под названием «Сожженный роман». Помимо переключки названий, полной трагической иронии, о связи этих двух произведений говорят и свидетельства читавших «Сожженный роман», действие которого происходит в Москве на Девичьем поле в 1928 г., а среди действующих лиц — Иисус и другие неожиданные персонажи. Установить, где находится роман в настоящее время, не удастся. Нельзя, однако, не обратить внимание на странную близость этого замысла и времени его зарождения и замысла «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова».

В «Сожженном романе» присутствуют линии, и в данном случае Иисуса (именно в таком написании) и «мастера» и его отношений с его возлюбленной. Есть там и важная кантовская тема, о котором идет разговор в той знаменитой романной встрече на Патриарших прудах. Голосовкер был увлечен анализом романа Достоевского «Братья Карамазовы», в котором, как считал, идет скрытый разговор о четырех антиномиях Канта и стоит самый важный для Федора Михайловича вопрос о существовании Бога. Этому даже посвящена целая статья философа «Достоевский и Кант».

А может быть, и «Мастер и Маргарита» и «Запись неистребимая / Сожженный роман» — это просто один из апокалиптических романов, что тогда писали многие?

3

Яков Голосовкер, как и Булгаков, родился в Киеве, но на один год раньше. Он был переводчиком, писателем, философом, эрудитом. «Почти нет сомнений в том, что в киевском отрочестве и юности они были знакомы — хотя бы шапочно», — пишет Чудакова. В двадцатые годы Голосовкер создает роман под названием «Запись неистребимая». Действие развивается в 1928 году, то есть на один год раньше рокового для Булгакова 1929-го, связанного с запретом театральных постановок и травлей леваков из РАПП¹.

Один экземпляр произведения Голосовкер передает в Париж, своему двоюродному брату Иосифу Владимировичу Биллигу, второй — художнику Митрофану Михайловичу Берингову. В «Мифе моей жизни. Автобиографии» философ разъясняет, что же произошло с изначальным текстом «Записи неистребимой / Сожженного романа»: «В первый год моей каторги — 1937 — inferнальный художник, хранитель моих рукописей, собственноручно сжег их перед смертью. Безумие ли, страх или опьянение алкоголика, или мстительное отчаяние, та присущая погибающим злоба-ненависть к созданному другими, или же

просто ад темной души руководили им — итог один: вершинные творения, в которых выражены главные фразы единого мифа моей жизни, погибли».

Берингов был художником, близким к революции. Он даже находился в Смольном в момент «штурма Зимнего» и оставил несколько своих картин, как будто бы написанных тогда с натуры. Его работы были экспонатами Центрального музея В. И. Ленина, а сегодня хранятся в фондах Исторического музея. Видимо, психоз, связанный с атмосферой Большого террора, или даже белая горячка повлияли на него, и Берингов сжег роман Голосовкера.

Но вернувшийся из заключения автор сразу же попытался восстановить роман.

Вот что об этом пишет его племянник Сигурдт Шмидт, друживший с философом: «Позднее, в конце 1943 года, истреблены были рукописи, когда сгорела наша с мамой дача. Сохранился трагический документ — мартиролог, написанный рукою Якова Эммануиловича в 1940 году. “Перечень рукописей, сожженных в 1937 г. художником Митрофаном Михайловичем Беринговым” с добавлением “и погибших”. Среди этих рукописей и имевшие отношение к истории русской литературы: “Папка № К. Статьи фрагментарного характера. 1. Леонид Андреев (теория эволюции темы и ее метаморфоз). 2. Достоевский. 3. Гете”...» Эти же авторы были близки и автору «Мастера и Маргариты».

Позднее, в 1956 году, в Доме Творчества под Москвой Голосовкер давал читать отдельные главы писателю Илье Сильвинскому.

В июле 1991 года в журнале «Дружба народов» вышла наконец повесть Голосовкера или то, что он смог восстановить в 1943 году, поэтому улика была предъявлена.

Сюжетные ходы «Сожженного романа» и его персонажи невольно заставляют вспомнить роман «Мастер и Маргарита». Это было отмечено и Мариэттой Чудаковой уже в момент публикации в журнале «Дружба народов» в 1991 году.

Филолог Юрий Угольников писал: «...не палимпсест ли перед нами? — так удивительно похожа повесть на роман М. Булгакова, похожа с точностью до строк, до описаний событий. А. Граф указывал, что появление Иисуса перед Орамом в палате-келье напоминает первое появление Коровьева-Фогота — “престранного гражданина”, “соткавшегося из воздуха”, но еще более оно похоже на появление Мастера перед Иваном Бездомным. Ограничимся только этим совпадением, хотя примеры можно множить и множить. Так что перед нами?»

Другой автор, Александр Греф, замечает: «Поразительны совпадения пролога и второй части “Сожженного романа” и романа Булгакова “Мастер и

¹ РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей.

Маргарита». Голосовкер, как Булгаков, использует неортодоксальный вариант имени Иисуса, а настоящее имя автора Рукописи никому не известно. Так и у Мастера «нет больше фамилии», потому что он «отказался от нее, как и вообще от всего в жизни». Не менее очевидно совпадение места действия (Юродом и клиника Стравинского) или ночных полетов над красной Москвой. Как в булгаковском романе, Рукопись Орама/Иисуса не сожжена полностью...»

Разнообразные поиски общих знакомых, а они у Булгакова и Голосовкера были, не дают окончательного объяснения ситуации. Но при этом ясно, что повесть «Сожженный роман» была написана значительно раньше, а автор «Мастера и Маргариты» откуда-то знал это произведение, когда уже в 1931 году возвращается к идее полноценного написания книги. Возможно, Булгаков присутствовал на какой-то публичной читке, и только этим можно объяснить «необычные» совпадения двух произведений.

Если убрать из булгаковского романа линию Мастера и Маргариты, то у нас и останется то, что изначально и задумывал автор, — «Евангелие от Воланда». Логика подсказывает: момент изменения названия романа и есть момент, указывающий на окончательное решение Булгакова, и это решение напрямую будет связано с информацией о судьбе Голосовкера. В противном случае автора мог ждать прижизненный скандал в литературном сообществе, а он в творческом смысле мог оказаться более разрушительным, чем критика рапповца Киришона, злоешие козни Сталина и советской администрации.

Редакции булгаковского романа до 1936 года назывались «Фантастический роман», «Великий канцлер», «Сатана», «Вот и я», «Черный маг», «Копыто инженера», «Князь тьмы», «Евангелие от Воланда», но уже в начале 1937 года появляется заглавие «Мастер и Маргарита». Отметим, что арест Голосовкера происходит 27 октября 1936 года. И это, очевидно, не случайно. Неужели предполагалось, что киевский знакомый погибнет?

4

Булгакову льстило угадывать чей-то конец. Вкрапленные в текст предсказательные моменты сделали его, видимо, человеком, уверовавшим в то, что он Нострадамус и теперь ему открыты врата Воланда. Открыты они были лишь частично.

Вот почему эта история связана с мастером и вынесена в самый финал повествования. Шифрограммы талантливого человека — это художественный отчет о хронике жесткого времени, сам он остается в качестве общественного криптографа, составляющего книгу своих эмпатий и антипатий. Но в чем-то этот

криптороман и подарок любимой женщине, которой про черный день остается книга, явно обреченная на успех в поздней советской эпохе, и это время Булгаков угадал точно, хотя и не был Нострадамусом.

Тут есть смысл вспомнить и совершенно справедливое предложение о прижизненной публикации романа «Мастера и Маргарита», поступившее от Ильфа и Петрова, которые были знакомы с содержанием произведения. Пусть и в урезанном, цензурном виде и без Христа, этот текст мог быть опубликован. И точно имел бы резонанс.

Но мы сейчас знаем важную истину: были живы те, кому читал свою «Запись неистребимую / Сожженный роман» Голосовкер, как казалось, сгинувший в колымских лагерях. Если бы это вскрылось рано, то скандал с Булгаковым мог быть неизбежен. Вот почему публикация была отодвинута автором на значительный срок, и эта воля стала своего рода завещанием вдове, подернутым завесой мистики.

Воланд — это не черт в чистом — физическом виде. Это Сатана атмосферный, тот, кто пропитывает ядом не только шторы в кабинете наркома внутренних дел Ежова. Этот Воланд искушает Булгакова странным предложением частично авторского плагиата, надеждой на то, что автор «Сожженного романа» никогда не вернется в мир живых, а заимствование у него так никогда и не будет установлено. Как тут не вспомнить те самые антиномии Канта и Достоевского? А может быть, Булгаков надеется, что, закамуфлированный его стилем, будет укрыт один из философов-крамольников и хоть в таком виде произведение возможно погибшего Голосовкера дойдет до будущего читателя?

Но в действительности, как часто это бывало в легендах о Фаусте, он все же изменяет поворот сюжета, и обман все-таки вскрывается. Вскрывается и правда, но тогда, когда все лавры розданы, а роман был увековечен и тиражно, и литературоведчески. Мы не знаем реакцию самого Голосовкера на публикацию «Мастера и Маргариты» в 11-м номере «Москвы» за 1966 год — он умер спустя несколько месяцев, 20 июля 1967 года. Но отметим одну дьявольскую симметрию: нерасстрелянный Голосовкер приезжает из воркутинского лагеря в Москву осенью 1939 года, а через шесть месяцев умирает Булгаков; роман Булгакова выходит в ноябре 1966 года, а через шесть месяцев умирает Голосовкер.

Так кто же такой мастер? Это молчаливый философ, который остался без романа. И его рукопись сжег на самом деле не он, и не художник Берингов, ошавший от шквала репрессий, а Михаил Булгаков.

И тут мы подходим к еще одному дьявольскому вопросу: а должен ли автор быть моральным? Должен ли он рассчитывать успех романа и даже скандал вокруг него, ограничивая себя моралью?